

«Не место этому президенту в Южной Осетии»

// Бывший секретарь совбеза республики о конфликте с Эдуардом Кокойты

Ъ-Online, 04.12.2008

Фото: Валерий Мельников/Коммерсантъ

Герой войны в Южной Осетии, бывший секретарь совбеза республики АНАТОЛИЙ БАРАНКЕВИЧ рассказал спецкору "Ъ" ОЛЬГЕ АЛЛЕНОВОЙ о причинах своего увольнения, конфликте с президентом Кокойты, а также о кадровой и экономической политике Цхинвала.

— Вы уже не работаете в Минрегионразвития?

— Да, я уже не чиновник. Поэтому могу говорить на любые темы. Я три месяца молчал.

— Про ваш конфликт с президентом Кокойты — правда?

— Правда. Я приехал в Южную Осетию в 2004-м, стал министром обороны. Это было в конце июня 2004-го. Как раз было обострение между Грузией и Южной Осетией, и министра обороны не было, предшественник мой умер. Тогда грузинской армии не было такой укомплектованной, обученной, организованной. 18, 17, 19 августа шли боевые действия, а 19-го все кончилось, я всех поздравил с победой. Конечно, я уверен, что это получилось не без помощи России, которая делала сильные заявления. Вот тогда, когда бои закончились, я начал формировать Минобороны Южной Осетии. Когда я пришел, оно было небольшим, пришлось призывать людей, комплектовать, создавать подразделения, обучать, проводить боевое слаживание. А в 2006-м

президент перестал меня подпускать к военной составляющей. Я стал секретарем совбеза.

— Почему?

— Мне объяснили, что я слишком популярный стал. Во время августовской войны эти противоречия углубились. С 1 августа начала накаляться обстановка на границе, сначала просто обстрелы, потом появились первые жертвы. Тогда премьер Юрий Ионович Морозов решил эвакуировать людей, благодаря ему сотни жизней были спасены: и детей, и женщин, и стариков. Где-то 35 тыс. населения примерно было вывезено оттуда. А президент нам все это время говорил: не надо никакой эвакуации, что вы в панику впадаете? 7 августа по Хатагурово был открыт артиллерийский огонь, потом пошли доклады, что надвигается техника, разворачиваются артиллерийские батареи, системы "Град", на подступах к Цхинвалу танковые колонны... Тогда приехали представители Грузии, России, Южной Осетии, посовещались, сказали, что все будет хорошо. Саакашвили после обеда объявил, что любит осетинский народ, что сделает все, чтобы не допустить военных действий. Когда на совещании спросили мое мнение, я сказал, что будет война. Это очевидно. Я даже по местному телевидению сказал, что ожидаем тяжелые события, тяжелое время. В 23.36, как сейчас помню, прилетел первый снаряд, и началось. Прибыл я на командный пункт, он в правительственном здании в подвале находился. Там президент, Морозов, все силовики, в том числе и прокурор генеральный. Ну и госохрана, представители Минобороны, которые обеспечивали связь и т.д. Где-то через час я пошел, попросил президента, чтобы Юрия Морозова оттуда отправить в Джаву, потому что не могут сразу и президент, и председатель правительства быть вместе, — вдруг что-нибудь случится, а кто будет руководить республикой? Кроме того должен быть запасной командный пункт в Джаве непосредственно. Там будут беженцы, раненые.... Помощь гуманитарная туда придет, российские войска, если

они придут, то их надо встречать... Ну, он подумал и отправил Морозова в Джаву. Уже обстрел шел сильный. Было договорено, что если что-то случится с нами, Морозов берет руководство на себя. У нас тогда была еще связь, закрытая связь, с округом северокавказским, с Москвой. Докладывали обстановку, что и как. Где-то около двух часов ночи, через час, после того как Морозов убыл, президент встал, позвал к себе генпрокурора, замминистра обороны, снял всю госохрану, на которой лежала задача по обороне правительственных зданий и убыл в сторону Джава, не оставив вместо себя старшего. Остались глава МВД, председатель КГБ, министр обороны и я.

— Почему же остальные не уехали?

— Возможность уехать была. Но все решили остаться. Ближе к утру здание правительственное уже горело, а первым начал гореть мой кабинет, туда попал снаряд. Пожарники героически гасили то с одной стороны, то с другой. Там перекрытия деревянные, если не гасить, там все провалится. Среди ребят, которые там остались со мной, уже начался такой ропот, мол, давайте уходить, чего мы здесь сидим. Я говорю — как только связь с Москвой исчезнет, тогда уйдем. Потом пропал один канал связи, второй, уже кипятком через потолок на нас лился — та вода, что пожарные заливали сверху, становилась кипятком. И в конце концов полностью оборвалась связь. Я перед самым обрывом заскочил в кабинет президента, увидел там такой телефон нестандартный. Я понял, что это одна из линий связи, с которой можно позвонить руководству России. Нажал — коммутатор отвечает. Я кричу: «Меня соедините с президентом России». А это утро уже, часов 8–9. Они мне: «Вы кто?» Я объясняю. Ждите на линии, говорят. Минут 15 прождал, потом говорят: «Он пока занят, подождите». Я говорю: соединяйте с любым другим руководителем. Они мне предлагают председателя Совбеза. Давайте, кричу. И вот Патрушев берет трубку, я начинаю докладывать обстановку, в это время пропадает и этот канал. Там оставаться бессмысленно уже было. Все горит, связи нет. Все, кто там был, вышли. По пути мы собрали всех, кто там оставался. Ну, пошли на север, в северную часть города. Решили двинуться в штаб миротворцев. Пришли туда, я говорю Кулахметову: давайте займем круговую оборону совместно и будем стоять, пока не подойдут российские войска. В то время уже по верхнему городку миротворческому велся ураганный огонь, мы знали, что там потери большие. В штабе в это время были корреспонденты и гражданское население — женщины, дети. Кулахметов сказал, что мое присутствие там с вооруженными людьми нежелательно. Он мне говорит: «Я тебе завидую как российскому офицеру, ты можешь достойно умереть, но у меня миссия другая». Перед уходом я попросил телекорреспондентов связаться с редакцией и записать мой доклад, чтобы довели до руководства страны. Я сказал, что президент находится вне зоны конфликта, что мы с трудом удерживаем город, что сейчас подразделения, которые стояли перед гордом, подавлены огнем артиллерии. И попросил три вещи: чтобы российские власти сделали твердое заявление в отношении правительства Грузии, а если это не поможет, то нанесли удары авиацией, ракетными комплексами по наиболее важным военным объектам Грузии и третье — чтобы ускорили продвижение российских войск к Цхинвалу. Это обращение передали по назначению.

Баранкевич Анатолий Константинович

Родился 10 декабря 1959 года в Калининграде. Окончил Уссурийское суворовское военное училище, Дальневосточное общевоинское командное училище, Военную академию имени Фрунзе. Служил в Сибирском военном округе, в Афганистане, в группе советских войск в Германии, в Приволжском и Северо-Кавказском военных округах. Участвовал в первой и второй чеченских кампаниях. Был заместителем военкомов Чечни и Ставропольского края. В июне 2004 года уволился из вооруженных сил в звании полковника... >>

Потом я собрал ребят, вышли из штаба. Уже слышен был рев двигателей танков с привокзальной площади... Ну, я решил, надо прикрыть подходы к миротворческому городку. Начали мы занимать дома рядом со штабом, ближайшие перекрестки блокировать. Ребята метались, не знали, что делать. Была не то чтобы паника, была неорганизованность. Верховный уехал, никого не оставил, председатель КГБ остался у миротворцев. Куда делся глава МВД, я не знаю. Я его увидел только 10 числа. Ну и тут выезжают эти два танка. Ребята по этажам сидят, все притихли. У меня гранатомет был, я его себе сразу оставил, потому что частенько с ним воевал раньше и две гранаты к нему. Мне надо было показать ребятам, что можно воевать даже с теми боеприпасами, которые у нас есть. В общем, по первому танку, который выехал, я попал.

— Говорят, вы прямо вышли на дорогу перед танком.

— Да, на дорогу. У него башня вправо повернута была, выстрела по мне он произвести не мог. Я выстрелил и попал. И сразу увидел, что он резко остановился. Думаю, сейчас пушку

повернет. Забежал в подъезд, взрыв. Выбегаю — куски башни только остались. Смотрю, и второй танк, шедший следом за этим, горит. Из третьего танка экипаж выскочил, но там уже ребята мои разобрались. И тут появилась авиация наша, стала обрабатывать дубовую рощу, а до этого грузинская только была.

Тут уже боевой дух поднялся у ребят. Танки уже горели и в других местах. Из соседних домов стали выходить парни с оружием, мы организовались и пошли на Октябрьскую. Там я подбил еще один «Скорпион» грузинский. Они прямо перед нами проскочили, не заметили нас. Потом обратно едут, я прицелился, выстрелил и попал прямо в середину. 8 числа мы полностью очистили город. К вечеру город был чистый. Под типографией организовали новый командный пункт. Еще когда я был министром обороны, я там делал командный пункт запасной, но его после моего ухода бросили, не доделали. Подохожу туда, а там наш председатель парламента Знаур Николаевич Гассиев с женой. Я ему говорю: есть возможность вас эвакуировать в Джаву, давайте. На что он мне говорит: «Я уже старик, мне 84 года. Я училищ и военных академий не заканчивал, толку от меня как от бойца тоже мало, но если ребята будут знать, что я здесь, им будет спокойнее и лучше, поэтому я остаюсь». Настоящий подвиг это его, в отличие от президента. Он не убежал, а остался на месте. И вот он со слезами мне об этом сказал. Ну, мы с ним обнялись, тогда до конца будем стоять. В ночь с 8 на 9 опять начался обстрел. 9-го опять грузины полезли в город. На этот раз они уже так далеко не зашли. Если 8-го они дошли практически до улицы Московской, то есть до центра, а 9 числа — только до 12-й школы.

Создали мы такие огневые мешки в городе, что, попав в них, они уже выйти не могли. Немножко разжились боеприпасами для гранатометов.

— А где вы их нашли?

— Да везде по сусекам поскребли, кто из дома притащил, в резервах подразделений нашли кое-что. К 9 числу вот эти все атаки грузинские были отбиты ребятами. В ночь с 9 на 10 Василий Васильевич Лунев — именно он, а не товарищ Лаптев, который говорит про себя, что он спас Цхинвал, — завел в город танковый резерв. Что это из себя представляло? Это был батальон "Восток" ямадаевский. Я когда-то его формировал, кстати. Завели туда ребят с огнеметами, гранатометами, мол, если пойдут опять грузины, то они бы встретили танковый резерв. Ну, грузины уже не пошли, город был чистый практически. Только немножко на самой южной окраине, где миротворческий городок под Никози, там грузины еще были. А ближе к обеду 10-го августа, в 10–11 часов пошла российская тяжелая техника. Ну, было немного смешно уже смотреть, как они забегают в укрытия, что-то ищут, перебежками передвигаются. Я стою на улице, курю.

Сейчас чем больше времени от сражения проходит, тем больше героев появляется. В субботу смотрел канал "Звезда", сидит Герой России и доказывает, что он из танка стрелял по грузинским танкам в миротворческом городке 10 августа. Я не знаю, за что ему Героя дали. Вранье полное. 8 числа город был наш.

— Говорят, тогда были серьезные проблемы с гуманитарной помощью...

— Там вообще была гуманитарная катастрофа. Когда войска вошли, раненых было много в городе. Весь личный состав больницы не покинул город, женщины вытаскивали раненых, больных под обстрелом, переносили в подвал. Настоящие героини. Я 10-го послал людей в Джаву, я знал, что там стоит колонна, уже свободно можно было проехать по верхней дороге. Там уже находилось 20 с лишним машин "Скорой помощи". А в городе люди умирали. Но эти машины в город не пускали. И я тогда выехал сам туда. Приехал, спрашиваю, где президент. Говорят, в районе РОВД. Пошел я туда. Нашел замминистра здравоохранения Северной Осетии, говорю: «Давайте соберем колонну и поедем в Цхинвал вывозить раненых». Он мне говорит: «Я не имею права, пока мне не разрешит министр здравоохранения Северной Осетии». Я ему: «Ну, выходите с ним на связь, я даю вам полчаса, чтобы вы собрались, сели в машину и поехали». Он говорит: «Связь будет не раньше, чем через два часа». Я ему тогда говорю: «Скажите ему, что я приставил вам пистолет к голове и заставил угнать все эти машины в Цхинвал». Дал я ему полчаса собраться. И тут вижу такую картину: пленный грузин, у него связаны руки, с голым торсом, кисти рук аж синие уже, не видно глаз, даже плакать не может, его избивают бойцы. Я подошел, говорю: «Что же вы делаете? Вы же горцы. Пленного бить нельзя, у него руки связаны». Они смутились, извините, товарищ генерал, говорят. Я им велел вызвать кого-нибудь из КГБ. Чтобы забрали этого грузина. Ему тут же руки развязали. И тут появляется президент. Он увидел меня, увидел пленного, понял, в чем дело. И первое, что он сделал, подбежал к пленному и начал его пинать ногами. У меня все внутри перевернулось. Ребята-милиционеры глаза опустили, им стыдно.

В общем, повел я эту колонну "Скорых" в Цхинвал из Джавы. Еще артиллерия немножко отстреливалась. Нагрузили раненых, вывезли, потом вторая ходка — загрузили, вывезли. По пути смотрю — гробы на земле в Джаве. Мне говорят: КамАЗ приехал из Северной Осетии, выгрузил все и уехал. Вызвал я начальника ГАИ и начальника РУВД, загрузили гробы и повезли в Цхинвал. И вот так мы ездили — оттуда беженцы, туда — гробы. На следующий день президента тоже не было.

— А когда он приехал?

— Президент приехал только 11-го после обеда. Мы уже организовали сбор правительства на первом этаже, люди собирались. Потом меня вызвал Болдырев (главком сухопутных войск. — Ъ). Я думал, скажет спасибо, а он мне: «В Гори мародерство, делай что хочешь, чтобы все прекратилось. Если не справишься, через сутки я тебя лично расстреляю». Ну, может, шутил так, я не понял. Тут Министр МВД подъехал, председатель КГБ, собрали командиров подразделений, дали инструкции. Отряды добровольцев стали разворачивать назад. Кстати, тех, кто воевал в городе, их среди мародеров не было.

А потом началась эпопея с гуманитаркой. Было назначено около 20 членов гуманитарной комиссии. Но ни один человек на склады не пошел. Мне пришлось искать, куда продовольствие свозить, куда стройматериалы. Некому было разгружать машины.

— Почему?

— Не хотел никто разгружать. Все воины... Позвонил я ребятам в Минводы, казаки приехали, с ними я в Чечне одно время был. Разбили они лагерь и разгружали все машины с гуманитаркой днем и ночью. Наконец, приехал президент и создал чрезвычайную комиссию. Меня заместителем, правительство в отставку, но все исполняют свои обязанности. Я не понял, зачем это было сделано — республику надо восстанавливать, людям помогать, а он правительство увольняет. Бориса Чочиева назначил и.о. председателя правительства. Так вот, этот и.о. ни разу из кабинета своего не вышел. В белой рубашке сидел, а люди бунты устраивали возле складов. Склады ломаются, а развезти гуманитарку не успеваем. Вызвал я депутатов парламента, создали восемь округов, установили время, и эти депутаты с помощниками взяли списки и ходили раздавали помощь.

— А почему вы уволились?

— В Цхинвале был митинг 20-го августа, когда независимость признали. Выступил президент, выступили другие министры, потом я. Когда я вышел, мне долго не дали начать, аплодировали. После этого мне сказали: «Это твоя лебединая песня, лучше бы ты не приходил на этот митинг». Просто все видели его лицо. А потом президент уехал, я пытался решать какие-то вопросы, но все упиралось в стену. С правительством ничего решить невозможно было. Чрезвычайная комиссия не имела никаких прав. Даже печати своей у них не было. Мои ребята, казаки, две с половиной недели разгружали грузы, потом они устали просто, домой собрались. Я им говорю: подождите, я вам хоть денег немного заплачу. Они же работу свою бросили, у них семьи. И решил выдать по 500 руб. каждому в день, составили договор, все сделали и отдали на подпись Гасиеву, председателю чрезвычайной комиссии, он подписал. Я понес документ министру финансов, тем более деньги были для этого. Министр финансов пошла к Борису Чочиеву, а тот сказал: я этих казаков не звал сюда и ничего платить не буду. Этот человек ни разу из кабинета своего не вышел. Если я вставал в 6 утра и ложился в 2 ночи, то его в 9 вечера уже на работе не было. И мне до того стало обидно. Ребята работали день и ночь. А эти, кто в Джаве отсиживался, теперь приехали, грудь развернули, руки свои пачкать не хотят ничем и ставят себя выше других. И это было последней каплей. Я пошел к президенту, написал заявление и сказал: «Эдуард Джабеевич, простите, но с теми, кто бросил родину в самый тяжелый час, кто предал Цхинвал, а теперь не хочет работать для людей и саботирует эту работу, я уже дальше работать не могу. Подпишите». Вот и все.

— А потом вас пригласили в Минрегионразвития?

— Да, со мной разговаривал Козак Дмитрий Николаевич, он тогда министр был. Он предложил мне идти к нему замом. Сказал, что создается департамент, который будет работать по Южной Осетии, которым бы я руководил, так как я немножко лучше, чем другие в Москве, знаю обстановку в Южной Осетии. Я согласился. Мы собрали документы и отправили их в правительство, чтобы в Совете министров разрешили этот департамент создать. Пока ждал, ездил в командировки в Южную Осетию. Потом Козака перевели. Иду к

Басаргину (новый глава Минрегионразвития. —Ъ), поговорили, все нормально, опять я еду в командировку в Южную Осетию. Приехал, собрал всех генподрядчиков, которые там есть. Собрал представителей рабочих групп по направлениям. По образованию, медицине и т.д. Проводил совещание, пригласил на него товарища Плиева, зампреда правительства, мэра города Гулиева. Ни один не пришел. На следующий день я написал официальные запросы с приглашениями, чтобы они пришли. Не пришли. А я ведь собирал их не для себя, я собирал для того, чтобы решить вопросы наболевшие. У генподрядчиков, у всех рабочих групп очень много вопросов было к мэру города, к правительству Южной Осетии. А они не пришли, как в детском саду. Когда я вернулся оттуда, я доложил в министерстве, что со мной никто там не встретился. И тут мне сказали, что это такое распоряжение президента Кокойты. Ну, и Басаргин мне говорит: «Вы пока в Осетию не езжайте, мне сказали, что это небезопасно для вас. И второе, вы очень раздражаете своим присутствием там президента». Я говорю: «А какой смысл мне здесь сидеть в кабинете?» Ведь люди спросят с меня: если Баранкевич числился в министерстве, почему он нам не помог? И я написал заявление.

— Существует какой-то план восстановления Южной Осетии?

— Вообще по развитию и по восстановлению Южной Осетии есть так называемый план-график первоочередных мероприятий на этот год. И комплексный план восстановления и развития на 2009–2011 годы. Если вы внимательно посмотрите этот план, там нет ни одной позиции по производству. Ни одной позиции по сельскому хозяйству. Там школы, детсады, здравоохранение, жилье, энергетика. Но рабочие места должны создаваться? То есть ни в сельском хозяйстве, ни в производстве, ничего, ни одного рубля. Это настораживает.

— С чем это связано?

— С тем, что бездумно все делается. Вот такой пример. У нас самая болезненная — рабочая группа по восстановлению жилья. Ее руководитель только в середине октября очнулся, что 144 муниципальных дома до сих пор не охвачены ремонтом. Это пяти- и девятиэтажки. Отремонтировано только 92 поверхностно. И этот руководитель группы начинает претензии кому-то еще высказывать. Начал искать какого-то своего генподрядчика. Это в Южной Осетии. Где там взять специалистов, где там есть финансовые источники, которые финансирует все это? Ведь они должны сделать работу, которую бюджет только потом им оплатит. То есть у фирмы, которая туда входит, должны быть свои деньги для начала. А они стали создавать фирмы-однодневки, чтобы немножко денег оттянуть...

— Президент Кокойты уже обвинил подрядчиков в завышении цен...

— Сейчас там будет скандал следующий. С самого начала должна была быть служба заказчика по Южной Осетии. Эта служба заказчиков делает заказ: поменять крышу, поменять окна, поставить пластиковые, провести отопление. Все это надо прописать в договоре. А этого никто не сделал. Договоров нет! И теперь строители, вложившие деньги, требуют им вернуть эти суммы, а правительство говорит: дорого, не будем платить. Ну, так ведь сами виноваты! Почему не составили договора? Нет никакого строительного контроля, понимаете? На детский сад №7, например, запланировано около 7 млн рублей, а потратили уже 50 млн. И вот идет разбор полетов. Или другой пример. Из Северной Осетии пришла организация "Спецстрой", им сказали: делайте кровлю, вставляйте пластиковые окна. Они взяли за кровлю, заказали пластиковые окна, привезли, а им говорят: нет, пластиковые не надо, надо обычные. А куда им девать пластиковые? Им говорят: а это ваши проблемы. Таких вот примеров очень много. Что меня особенно настораживает — через 2–3 месяца там может быть социальный взрыв. К зиме подошли никак. Школы и детские сады не отапливаются. Тепла нет. Дрова не заготовливались, сейчас в спешном порядке что-то делают, но машина дров стоит 15 тыс. руб. Где деньги брать? Бездумное руководство, понимаете?

— А как вы оцениваете назначения новых людей в правительство?

— А как я могу их оценивать? Министром экономического развития пригласили товарища Беппаева Игоря Юрьевича, который находится в данный момент в розыске федеральной службы страхового надзора. Можете в интернете посмотреть. Где-то он свою страховую компанию организовывал, людей обманул и все об этом знают. Там много сейчас таких.

— А зачем таких людей подтягивают в Южную Осетию?

— Лично мое мнение, туда подтягиваются самарские компании для отмывания денег. Сам Плиев, зампред правительства, когда-то жил в Самаре. Ну, с этими самарскими мы еще разберемся. Потому что я знаю, там выделяли огромные деньги для закупки вооружения, и я знаю, что эти деньги не дошли до закупки, и куда они делись, мы разберемся.

— Говорят, у председателя правительства Булацева с Кокойты конфликт тоже из-за отмывания.

— Булацеву они мешают не случайно. У него все полномочия отобрали. Он ничего не решает. Все решает президент. Он сейчас пытается выдвинуться уже на третий срок, вносил поправки в конституцию, но парламент не согласился. На это прокурор парламенту сказал: ничего страшного, новый парламент будет весной, внесет изменения в конституцию.

Там сейчас 37-й год. Люди, которые со мной знакомы, не могут теперь приехать туда на могилы своих предков. Он ко всем цепляется, потому что если он не станет президентом, он будет никто. И его еще спросят, куда делись бюджетные деньги, которые оставались в банке в Южной Осетии на начало войны? Где два многоэтажных дома по улице Миротворцев, 2? На эти дома деньги из Москвы пришли, около 200 млн рублей. Строительство должны были начать еще весной этого года, расчистили все, а теперь там свалка. На этом все прекратилось. Эти деньги мэр Гулиев якобы хотел на помощь погорельцам пустить, чтобы они расплылись, но куда они делись в итоге, не известно. В общем, непонятная там ситуация. Нестабильная. Никто туда не пойдет деньги вкладывать.

Я знаю многих людей, которые говорят: мы бы вложили капитал свой в республику, но при таком руководстве мы боимся. Это осетины, готовые идти жить и работать в Южную Осетию.

— Учитывая все, что вы рассказали, не получится так, что в Южной Осетии людей вообще не останется?

— А они уже сейчас уезжают. Сначала у людей была радость, эйфория. А потом прошел месяц, два, три... У меня много знакомых, которые снимают квартиры во Владикавказе. И много знакомых, кто не может выехать — у них маленькие дети, и они сидят в холоде. А ведь есть деньги, инвестиции, желание работать. Но с этим чудовищем никто работать не хочет. Потому что он во всех людях видит угрозу своей власти. Вы знаете, как он пытался заблокировать работу "Стройпрогресса" — генподрядчика, строящего газопровод из Северной Осетии в Южную? Он решил, что раз Джусоев (директор "Стройпрогресса". — **Ъ**) на свои деньги полностью отстроил поселок Квайса, значит, он хочет стать президентом. И написал вместе с Мамсуровым (главой Северной Осетии. — **Ъ**) заявление, в котором просит отозвать генподрядчика от работ. Это когда 80% работ выполнено, и летом уже газ должен пойти в дома людям. А он предлагает все остановить, отвести технику и затормозить процесс еще на год. А люди в Южной Осетии уже три месяца сидят без газа. И все именно из-за того, чтобы шпильку поставить Джусоеву. То есть это не государственный подход, это бандитский подход.

— Но вроде бы "Стройпрогресс" продолжает сейчас работу?

— Да, потому что после этого заявления приехала комиссия из "Газпрома", все проверила, никаких нарушений не нашла и отзываться генподрядчика не стала.

— А какие там могли быть нарушения?

— Ну, они утверждали, что подрядчик налоги не платят, что экологии нанесен существенный вред и вообще грозит экологическая катастрофа, что там сроки строительные не соблюдаются, что работа с низким качеством. Ну, "Газпром" провел проверки, ничего не нашел. Кроме того, два дня назад "Вести" тоже проехали по трубопроводу, снимали на севере, на юге, показали, что все нормально, на такой высоте строится трубопровод, что люди идут по графику, качество высокое. И все это по центральному телевидению. Ну, там товарищ наш взбесился, он-то ожидал криминала, а не вышло. Тогда он зашел с другой стороны. В единственный банк, который Джусоев там организовал, Первый коммерческий банк Южной Осетии, через который шли деньги на этот же газопровод, пришла комиссия, абсолютно некомпетентная. Решили отозвать лицензию, банк закрыть. Нашли в кассе 8 рублей 17 копеек лишних. Потом они заявили, что банк не платит НДС. Но почему-то они не знали, что по законодательству деньги, которые идут из России за рубеж, с них НДС не снимается. Они даже не знают, что не платится на таких условиях НДС. Ну, показали свою неграмотность очередной раз. А это единственный банк, через который можно было перечислить средства, какие-то инвестиции. А инвестиции Джусоев вкладывал туда

масштабные. Вот практически весь горнообогатительный комбинат в поселке Квайса заново отстроил, он уже в готовности заработать. Там в этом поселке все сделано на его деньги, отремонтированы крыши, фасады у домов, площадь, Дом культуры, футбольное поле. То есть человек на практике показывает, как надо помогать своей республике. А теперь появились представители, которые смотрят на это горнорудное предприятие. А Джусоев вкладывал туда деньги и просил руководство: пусть оно будет государственным предприятием, никому не отдавайте, это же должно республике доход давать хороший. Со временем, когда оно разовьется, можно выставить на аукцион, и часть акций пусть кто-то приобретет, но чтобы за бесценок не отдавать. Но, похоже, там эти представители из Самары вот так за бесценок его и купят. А люди будут спрашивать: почему мы бедствуем, а наше достояние кому-то из Самары отдают? Но мы отвлеклись, кажется.

— Да, давайте вернемся к послевоенной ситуации. Говорят, что гуманитарная помощь, которая поступала в Южную Осетию, не доходила до назначения. Это правда?

— Ну, вот пропали же 3200 с лишним тонн цемента.

— А куда они делись?

— А я не знаю. Когда я приехал туда в командировку и со мной не стали встречаться, я послал своих людей в оперативную группу МЧС, которая сопровождает гуманитарные грузы и передает его правительству Южной Осетии. И вот он достает мне справку, согласно которой 3200 тонн цемента доставлено на склады в Южную Осетию. Пошли мои люди на склады. А там пусто. Спрашиваем: а где эти 3200 тонн цемента? Никто ничего не знает. Такая же ситуация с другим грузом — 18 тыс. кв. метров стекла. А еще сколько там всего? Я просто уверен, что на эти стройматериалы бесплатные сейчас делают объекты, которые потом предъявят федеральному центру от своих фирм-однодневок. Чтобы деньги с федерального центра получить за построенные объекты. А ведь эта гумпомощь шла непосредственно людям для того, чтобы их дома в зиму были восстановлены. Вообще необходимо проверить сейчас все, что поступило во Владикавказ, и чтобы каждый регион отчитался, что он отправил. И на таможне проверить, что прошло в Южную Осетию. Там появится отрезок Владикавказ-Осетия, таможня, и там обязательно всплывет, что не доехало до таможни, что таможню пересекло и осело на складах. Там разница большая получится.

— Вы верите, что кто-то будет это делать?

— Я верю. Мне больно смотреть на все это. 10-го ко мне на улицу бабушка подошла, целовать меня стала. Сынок, говорит, ты танк подбил, у меня этим танком разнесло всю квартиру, но спасибо тебе, сынок... Я сейчас перед этой бабушкой виноват, понимаете? Я хочу, чтобы ей построили квартиру. Чтобы она зимой под крышей была. Или еще... Иду 11-го утром по улице, старик меня останавливает. Пойдем, генерал, выпьешь со мной. Я извиняюсь перед ним, не могу, мол. Иду дальше, а его сосед мне говорит: «Что ж ты, генерал, у него дома три гроба стоит, сын, жена сына и внук. Расстреляли машину». Честное слово, у меня был такой момент, когда хотелось уйти куда-нибудь, отрываться. Я не хочу сидеть в министерстве и ничего не делать, понимаете? Не хочу перед этими людьми чувствовать себя подонком. И я хожу с поднятой головой. И считаю, что не место этому президенту в Южной Осетии после всего, что он сделал.

— У вас теперь какие планы, где будете работать?

— Мне предлагали несколько мест в коммерческих фирмах.

— То есть на госслужбу не пойдете?

— Видно будет. Я всей душой хотел работать для Южной Осетии, помочь всем, чтобы налево или направо ни одна копейка не ушла, и я уверен, что нет ни одного человека здесь в Москве, который лучше меня знает Южную Осетию и вообще все, что там делается. А когда мне как-то аккуратно по рукам дали, все стало ясно. Мне ясно сказали: Кокойты в администрации президента России очень просил не назначать никуда Баранкевича. То есть внешний враг потерял, надо теперь внутренних искать.

— Думаете, новой войны уже не будет?

— Нет. Но я не исключаю такой вариант, что Кокойты может в какой-то момент повернуться к

Западу. Это может просто выглядеть. Денег больше дадут. А что для этого надо? Вот она, граница с Грузией. Раз ночью попроси представителя ОБСЕ просто без оружия понаблюдать, а эти ребята забаррикадируются и скажут: мы хотим идти на запад, Россия, выводи свои войска. Что будет Россия делать? Тем более, если он почувствует, что его хотят поменять. Он держится за власть зубами, руками, ногами. Потому что если он только уйдет оттуда, все, он никто. Он же учитель физкультуры, закончил пединститут в Цхинвале. Он непрофессионал. Но он никому не дает заниматься своей работой. Из-за этого человека республика в тупике.

СТРАНИЦЫ АВТОРОВ

ОЛЬГА АПЛЕНОВА

[все авторы]